

УДК 316:314.6

DOI: 10.17223/1998863X/62/7

С.Н. Костина

КОЛЛЕКТИВНЫЕ СЕТИ ПОДДЕРЖКИ МНОГОДЕТНЫХ

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 19-011-00566 «Многодетность как социальный феномен».

Рассмотрены понятие и характеристики коллективных сетей поддержки многодетных семей в России. Такие сети могут носить «живой» и «виртуальный» характер, а отношения в них могут отличаться степенью формализации. Коллективные сети поддержки многодетных осуществляют трансферты различных реципроктивных ресурсов – материальных, информационных, консультационно-представительских, досуговых, психологических.

Ключевые слова: многодетность, социальные сети, коллективные сети поддержки, общественные объединения

Одной из наиболее уязвимых социальных групп российского общества, находящихся в ситуации ограниченного доступа к материальным и нематериальным ресурсам, выступают многодетные семьи [1]. Сложное социально-экономическое положение, в которое попадает значительная часть российских семей с появлением детей и которое усугубляется с каждым последующим ребенком [2], вызывает у них необходимость для решения своих проблем не только обращаться за помощью к формальным социальным институтам (прежде всего государственным), но и задействовать широкий круг неформальных связей.

Теоретические истоки изучения феномена сетей поддержки связаны с дискурсом социального взаимодействия и социальных сетей, который выступает одним из приоритетных направлений современной социологии. Хотя впервые понятие социальной сети было введено в социальные науки английским социологом Дж. Барнсом в 1954 г., теоретические предпосылки развития сетевой теории можно найти в представлениях классиков социологии о социальных связях в обществе – Г. Зиммеля («социальная ткань», «паутина отношений»), Ф. Тенниса (социальные связи), Э. Дюркгейма (социальная солидарность), Я. Морено и др. [3]. И.Е. Штейнберг выделил четыре основных теоретических концепта представлений о природе социальных сетей поддержки и их роли в обществе: сети как форма социального капитала (П. Бурдьё и Дж. Коулмен); сети как устойчивая совокупность взаимосвязей и отношений между участниками по обмену различными ресурсами (М. Грановеттер); сети как универсальный способ адаптации различных социальных групп к экстраординарным условиям существования; сети как внеинституциональные отношения (М. Кастельс, Р. Кроуз и Д. Норт) [4]. Кроме этого, развитие теории социальных сетей связано с работами Х. Уайта, М. Грановеттера, Р. Берта, С. Берковица, С. Вассермана, Б. Веллмана, М. Кастельса, Дж. Коулмена, П. Марсдена, Д. Ноука, Л. Фримана, У. Пауэлла, Д. Старка, Дж. Тернера, М. Буравого, Б. Робертса, Дж. Гершуни, А. Рона-Таса и др. Среди рос-

сийских ученых, которые занимались данной тематикой, можно выделить Т. Шанина, В. Радаева, С.Ю. Барсукову, Г.В. Градосельскую, И.Е. Штейнберга, И.О. Шевченко, Д.В. Лифинцева, С.В. Рзаеву, Ю.В. Бондаренко, С.Д. Дагбаеву, М.Н. Реутову и др.

Несмотря на довольно многочисленные исследования в данной области, единого определения понятия социальных сетей и сетей поддержки не сложилось. Как отмечает Д.В. Лифинцев, в основе понятия социальной сети лежат научные представления, в которых общество и социальные процессы предстают как результат отношений между людьми, а не как сумма характеристик и действий индивидуальных субъектов и интернализованных норм, при этом, как правило, определения социальных сетей сопровождаются указаниями их принадлежности к конкретной социальной группе или к определенному виду отношений [5]. Центральным элементом в определении понятия социальных сетей в работах отечественных авторов выступает реципроктность – отношения взаимобмена в социальных сетях [6, 7]. И.Е. Штейнберг отмечает, что включение индивидов в социальные сети дает им возможность компенсировать недостаточность индивидуальных социальных ресурсов за счет поддержки других участников социальных сетей [4].

Интерес отечественных ученых к неформальным сетевым взаимодействиям был вызван прежде всего проблемами, возникшими в результате социальных трансформаций, которые обусловили «институциональный дефицит», когда институциональные формы обмена и доверия разрушены либо не сформировались. Формой его преодоления стало появление новых социальных сетей поддержки, которые в научных работах также называют реципроктивными сетями, или сетями выживания.

Их широкое распространение российские исследователи объясняют рядом факторов. Во-первых, в условиях, когда государственные институты не справляются с функцией перераспределения доходов, сети поддержки позволяют снизить уровень социальной уязвимости и бедности за счет перенаправления ресурсов от более обеспеченных к менее обеспеченным [8]. Во-вторых, этому способствуют недоверие в обществе к формальным социальным институтам (органам государственной власти и местного самоуправления, учреждениям социальной сферы, работодателям), отсутствие надежды на их помощь в трудной жизненной ситуации и одновременно низкий уровень солидарности, расчет исключительно на собственные ресурсы и возможности [8]. В таких условиях социальные сети поддержки рассматриваются в исследованиях российских ученых как «универсальный способ адаптации различных социальных групп к экстраординарным условиям существования» [9].

Согласно данным ряда отечественных исследований, неформальная сетевая взаимопомощь широко распространена в различных социально-демографических группах российского общества, в нее так или иначе включено большинство домохозяйств [6, 8, 10]. При этом отмечается, что в основном домохозяйства включались в эти солидарности без посредничества общественных или других формальных структур [11].

И.Е. Штейнберг вслед за Т. Шаниным и В. Радаевым, изучавшими неформальную экономику городских и сельских домохозяйств в 1999–2001 гг., трактует сеть социальной поддержки семьи как «особый род неформального

социального института, спонтанно возникшего на основе устойчивых связей кровного родства и дружбы членов семей и их ближнего окружения, на взаимном интересе и личном выборе» [9].

Ю.В. Бондаренко в своем исследовании говорит о «сетях выживания» малоимущих граждан. По мнению автора, сетевая социальная поддержка представляет «комплекс стабильных связей и интеракций, обращенных на то, чтобы оказывать моральную или материальную помощь гражданам или группам, попавшим в нелегкие житейские обстоятельства» [12].

С.Д. Дагбаева определяет социальные сети поддержки как «устойчивую совокупность взаимосвязей и отношений между ее участниками по обмену различными ресурсами» [13]. Автор рассматривает сеть поддержки как адаптационный механизм, который компенсирует недостатки формальных социальных институтов в повседневной жизни. По мнению С.Д. Дагбаевой, сеть поддержки может включать в себя неформальные отношения, основанные не только на кровном родстве, но и на дружеских, приятельских или этнических связях. Включенность в сеть поддержки может приносить индивидам и домохозяйствам как сиюминутную, так и отложенную пользу [Там же].

Как видим, в трактовках содержания понятия сетей поддержки представлены различные подходы к определению круга агентов (от только кровнородственных до достаточно широких связей и отношений, связывающих не только родственников, но и малознакомых людей, этнические и иные сообщества, негосударственные организации [4]), а также их целей (от помощи в трудной жизненной ситуации до получения неопределенной пользы). В современных условиях формируются новые формы солидарности, которые основаны не на родственных связях, а на других точках соприкосновения. Семейно-родственные сети поддержки в ряде ситуаций не могут предоставить необходимые в данный момент (или в долгосрочной перспективе) ресурсы в силу различных обстоятельств, например когда кровнородственные отношения отсутствуют или не поддерживаются из-за различных причин (ближайшие родственники умерли, произошел полный разрыв или ухудшение отношений) либо родственники проживают достаточно далеко для оказания отдельных видов помощи или не располагают необходимыми ресурсами. Например, можно говорить о снижении роли семейно-родственных отношений в реципроктных обменах по уходу и присмотру за детьми, связанном с переоценкой роли «института бабушек» [14].

В таком случае индивид или домохозяйство вынуждено включаться в иные сети поддержки, которые обычно называют коллективными, формируемыми благодаря взаимодействиям между людьми, не являющимися родственниками [7]. Необходимость включения домохозяйства в такую сеть, безусловно, актуализируется в определенных жизненных обстоятельствах, которые могут вызывать потребность в реципроктных трансфертах разного рода – как кратковременных, так и достаточно длительных. Такие сети могут носить как «живой» характер (например, клубы многодетных, общественные организации), так и виртуальный (сообщества в социальных сетях).

«Живые» сети поддержки многодетных (ЖСП) могут иметь различную степень формализации. Во-первых, это «клубы по интересам», которые носят обычно неформализованный характер. Оценить распространенность таких сетей достаточно сложно. Во-вторых, это формализованные (официально зарегистри-

стрированные) общественные объединения. В данном случае можно обратиться к официальной статистике. В реестре Министерства юстиции РФ на 30 декабря 2019 г. было зарегистрировано 314 общественных объединений, у которых в названии есть упоминание многодетности (<http://unro.minjust.ru/NKO.aspx>). Наибольшее количество таких общественных объединений представлено в Москве (62), Московской области (33), Краснодарском крае (10). Кроме этого, существует достаточно много общественных объединений, для которых многодетные семьи также выступают в качестве объекта интереса – их деятельность направлена на поддержку семей, детей, социально незащищенных групп населения (например, инвалидов), отдельных социальных групп (например, семей участников боевых действий). Так, в Реестре Минюста зарегистрировано 9 853 организаций, в названии которых присутствует упоминание детей, 1 594 организаций с упоминанием семьи. Также достаточно много общественных объединений, специализирующихся в отдельных сферах (духовного или религиозного воспитания, здоровьесбережения и др.), в сферу интересов которых так или иначе попадают многодетные семьи. Несмотря на то, что данные объединения получили формальный статус, значительная часть связей в них между агентами, скорее, неформальная (не предполагает официальных отношений).

Второй вариант сетей поддержки многодетных – это «виртуальные» сети поддержки (ВСП). ВСП также могут носить специализированный характер, направленный исключительно на многодетных, либо ориентироваться на какую-то сферу, например родительство. Проведенные исследования показали, что в наиболее массовой в Рунете социальной сети ВКонтакте зарегистрировано более тысячи российских тематических групп с ключевым словом «многодетность» с численностью до 40 тыс. участников [15]. Участие в сетевых онлайн-сообществах дает возможность быстрого нахождения необходимых ресурсов. Как отмечает Е.А. Степанова в своем исследовании интернет-ресурсов, ориентированных на матерей и отцов, такие сообщества «создают и аккумулируют социальный капитал, способствующий достижению целей молодых родителей, связанных, прежде всего, с получением информационной и психологической помощи» [16].

Живые и виртуальные сети поддержки нельзя рассматривать как изолированные виды: как сетевые сообщества иногда переходят из онлайн- в офлайн-пространство для достижения своих целей [Там же], так и «живые» сообщества многодетных представлены в интернет-пространстве [17].

Коллективные сети поддержки могут достаточно долго функционировать как неформальные взаимодействия. Однако с увеличением количества агентов для стабильного функционирования как живых, так и виртуальных сетей необходим координатор (или группа координаторов), который выступает посредником в реципрокных обменах [9], формирует «ядро» сети. Доступ к отдельным видам ресурсов требует не просто выделения координатора(ов), но иногда и получение формального статуса. Как показали результаты исследования, проведенного нами в Уральском федеральном округе, такой формой сетей поддержки для многодетных семей выступают общественные организации, которые создаются в основном самими многодетными.

В данной статье мы сосредоточили свое внимание на изучении формализованных сетей поддержки многодетных. Эмпирическое исследование про-

водилось методом полуструктурированного интервью с учредителями или руководителями общественных организаций многодетных во всех субъектах Уральского федерального округа. Необходимо отметить, что количество «специализированных» общественных организаций поддержки многодетных семей в различных регионах УрФО значительно отличается. Так, например, в Свердловской области на начало 2020 г. была только одна зарегистрированная организация, в названии которой есть упоминание многодетности, в Тюменской области – две, а Ханты-Мансийском автономном округе – шесть. Опрашивались представители одной-двух зарегистрированных общественных организаций, работающих с многодетными семьями, из каждого субъекта УрФО (N = 10). Среди них – «специализированные» организации многодетных «Радость», «Планета7Я», «МногоНас», «Многодетные семьи Урала», «Многодетки из Югры», а также региональные организации крупных российских НКО, для которых многодетные семьи выступают в качестве одного из ряда объектов поддержки (например, Российский детский фонд).

Прежде всего обращает на себя внимание сравнительно небольшой срок существования специализированных региональных организаций многодетных в УрФО. «Старейшая» из формализованных организаций на уровне отдельной территории, попавшая в фокус нашего исследования, осуществляет свою деятельность начиная с 2010 г. Безусловно, история объединения многодетных семей для защиты своих интересов в России носит достаточно длительный характер, однако в данной статье мы не ставим своей задачей ее изучение. Отметим только, что «неспециализированные» организации имели более продолжительный период существования, например Российский детский фонд является одной из старейших российских благотворительных организаций.

Что касается современного периода развития данного явления, то, на наш взгляд, на процесс формализации сетей поддержки многодетных (как и других НКО) влияет ряд факторов. Во-первых, это проблемы официальной регистрации – не все сети поддержки многодетных в силу ряда причин (как объективных, так и субъективных) доходят в своем развитии до данной стадии. Многое в этом вопросе зависит от «лидера» сети поддержки, а также от тех целей, которые данная сеть ставит перед собой. Формализации требуют прежде всего цели, связанные не с однократной материальной помощью нуждающимся, а направленные на улучшение положения данной группы (многодетных семей) в целом. Учредители (руководители) общественных организаций следующим образом описывают процесс создания официально зарегистрированных НКО: «...Ну мы собрались пять учредителей, решили, что общественная организация нужна. До этого был просто клуб многодетных семей...» или «...Мы, естественно, начали возмущаться. А возмущаться когда начали, собрались, вычислили, что у нас проблем-то много... Мы создали организацию с целью изменения законодательства в пользу многодетных и приемных семей...»

Одна из причин формализации социальной сети поддержки – возможность для «ядра» (или лидера сети) привлекать большее количество агентов и ресурсов. Например, создание формальной организации позволяет более активно взаимодействовать с органами власти и местного самоуправления для решения определенных проблем: «...Я приехала сюда, обратилась в администрацию. Почему так получается? (Они ответили – текст автора)

Создавайте общественную организацию, вы будете владеть информацией. Мы же не знаем, где у вас активные...» А в некоторых случаях формализация позволяет менять «позицию» в отношениях с властью с подчиненной, просящей на партнерскую и даже контролирующую: «...проходило совещание, по мою душу пригласил министр культуры и спорта и они отчитывались передо мной как институтом многодетства... как они себя ведут, как они себя позиционируют. Господи, да это же счастье великое!».

Вторая проблема, которая ограничивает круг формализованных сетей поддержки, – необходимость ведения ежегодной официальной отчетности, вследствие чего ряд организаций периодически находится в процессе перерегистрации или осуществляет свою деятельность полулегально (о чем в том числе говорили эксперты в своих интервью). Это делает еще более значимой роль лидера такой сети, требует от него некоторой «профессионализации» данной деятельности. В большинстве случаев лидерами (и в дальнейшем – руководителями) таких «специализированных» сетей выступали многодетные матери, которые столкнулись на собственном опыте с определенными проблемами и пытались их решить «институциональными» средствами. В подобных случаях зачастую общественная деятельность для многодетной мамы – лидера организации становилась основной: «В настоящий момент еще руковожу местным отделением национально-родительской ассоциации... Есть интернет-портал забавный, я там в одном из разделов модератор, мы собирали льготы для различных многодетных...»

Рассмотрим характеристики формализованных коллективных сетей поддержки многодетных. В теоретической литературе присутствуют различные подходы к выделению свойств и характеристик сетей поддержки. Так, И.О. Шевченко в качестве основных компонентов сетей предложила рассматривать 5 составляющих: агенты взаимодействия; материальный или нематериальный обмен между этими агентами; социальная поддержка; добровольность участия; культурная укорененность (повторяемость) [6]. Д.В. Лифинцев, опираясь на работы Дж. Митчелла, выделил четыре основных параметра социальных сетей: структура сети, процессы, выполняемые функции, состав участников [5].

Помимо этого, выделяется еще целый ряд свойств сетей: размер; географическая концентрация; открытость; плотность; степень кластеризации; степень однородности [Там же]. Достаточно подробно в теории социальных сетей рассмотрены также процессуальные характеристики связей – их частота, взаимность, долговечность, степень близости, способ поддержания, интенсивность и др. [Там же].

Коллективные социальные сети могут обладать достаточно большим разнообразием по своим характеристикам – размеру, географической концентрации и т.д. Масштабы таких сетей могут значительно отличаться – от местных до региональных и федеральных. Достаточно часто коллективная сеть поддержки носит локальный характер, функционирует в границах одного поселения: например, в Уральском федеральном округе это местные общественные организации многодетных семей Кондинского района «София», города Муравленко «Семья Муравленко», а также региональные организации, которые в основном работают в административных центрах – «Семья Арктики», «Многодетки из Югры». Такие сети носят достаточно ограничен-

ный характер: «...У нас уже даже 32 семьи. Есть которым постоянно уже помогаем, у которых большое количество детей, шесть, например... У нас одноразовые обращения есть. Мы можем одноразово помочь, но мы их не регистрируем, а факт помощи регистрируем, анкету не заводим...» Региональная НКО может включать несколько сотен или тысяч агентов: «...Ну для начала это 600 семей нашей организации... Это около пяти тысяч человек...» При этом количество временных участников сети может быть значительно больше: «...есть уникальные наши отчеты за прошедший год... более 5 000 благополучателей, и это нематериального характера...» В качестве примера таких НКО можно привести региональные организации «Радость» (Тюменская область), МногоНас (Челябинская область). Можно выделить и коллективные сети поддержки, географически представленные на значительной части территории РФ, – Центр помощи многодетным семьям «МногоМама», Российский детский фонд и др.

Ключевыми элементами сетей поддержки выступают социальные агенты. В российских исследованиях предлагается различная типология социальных агентов в соответствии с их ролью в реципроктных обменах. С этой точки зрения можно выделить доноров (предоставляющих трансферты), реципиентов (получающих трансферты), обменивающихся (получающих и предоставляющих трансферты) и независимых (не получающих и не предоставляющих трансферты) [18]. В свою очередь, доноры и реципиенты в зависимости от характера реципроктных обменов могут быть радикальными, умеренными или хроническими [19].

Реципиентами коллективных сетей поддержки в основном становятся многодетные семьи, попавшие в трудные жизненные обстоятельства: «...Допустим, у нас вот была мама, у которой ее родственника осудили, маму лишили родительских прав. И ей в наследство сразу три ребеночка досталось: двойняшки две и еще одна девочка. И у ней у самой двое детей. Плюс сестра тоже от такой же семьи. В общем такой сбор полный детей. И вот... Вы сами знаете, что очень долго оформляются опекунские документы и никаких средств к существованию нет...» Вопреки сложившимся представлениям, это не только семьи, где один или оба родителей ведут асоциальный образ жизни (алкоголики или наркоманы), но попавшие в затруднительную ситуацию вследствие различных обстоятельств – переезда, потери работы, развода, пожара и тому подобного: «...Мы всем городом ей помогаем... Она не из пьющих, у нее просто судьба не сложилась... ей помогают, потому что она очень ответственная. Ну как сказать... Ведущая положительный образ жизни. Она занимается детьми...» Зачастую это приезжие, которые не могут получить помощь от государства официально: «...Кто приезжает, например, с Казахстана, у нас есть подопечные. Либо приехали с другого города и нет прописки, получается у них нет поддержки и социальной помощи...» В отношении таких реципиентов коллективные социальные сети пытаются ограничить трансферты во времени: «...мы стараемся на постоянной основе не помогать, а лишь какой-то период, чтобы не было иждивенчества. Три-четыре месяца помогаем, ну там по обстановке...»

В качестве доноров в коллективных сетях поддержки многодетных могут выступать коммерческие и некоммерческие организации, органы власти и учреждения, а также отдельные домохозяйства (в том числе сами многодет-

ные). Например, домохозяйства приносят оставшуюся детскую одежду, мебель и т.д., предприниматели и коммерческие организации могут предоставлять излишки товаров (например, остатки непроданных коллекций одежды), продуктовые наборы и др. При этом предоставление ресурсов может быть одноразовой или периодической акцией, т.е. такие доноры могут быть агентами с разной интенсивностью связи в данной сети. Например, эти связи могут носить интенсивный постоянный характер: «...Наша организация заключила партнерские соглашения. То есть работаем на взаимовыручке...» или «...Мы дружим с многими другими организациями некоммерческими и коммерческими, которые нам, допустим, просто дарят...» В качестве доноров часто выступают малознакомые или ранее незнакомые люди: «...Или вот если совсем такая криминальная прямо обстановка, тогда пишу прям в группе, что срочно нужно. И привозят люди. Сами мы ездим...» Донорами в коллективных сетях поддержки многодетных выступают также волонтеры и сами координаторы: «У нас есть волонтеры, собирающие вещи по районам... Потому что не все далеко могут привезти вещи...»

В ряде случаев реципиенты становятся со временем «обменивающимися» или переходят в разряд доноров: речь идет о многодетных семьях, получивших поддержку в трудной жизненной ситуации, которые впоследствии отдают свои ресурсы в виде различных услуг (обычно волонтерского характера) или материальных ресурсов (в том числе вещей): «...Значит получают от нас удовольствие разного рода многодетные приемные семьи... я думаю, что больше 100, 150. А остаются с нами дружить... Ну как сказать, не то, что дружить, а традиционно уже становятся волонтерами семейными, конечно, меньшее количество...»; «...Кстати, наши многодетные семьи очень хорошо участвуют в акции благотворительной социальной как волонтеры „Подарок другу“...»

В качестве одной из основополагающих характеристик социальной сети рассматриваются особенности связей между агентами. В теории социальных сетей значительное место занимают исследования, посвященные изучению их силы. М. Грановеттер определяет ее как комбинацию продолжительности, эмоциональной интенсивности, близости (или взаимного доверия) и реципрокных услуг [20]. Сильные связи существуют между ограниченным числом участников, отношения которых строятся на персонифицированном доверии друг к другу, имеют большую плотность, формируют сплоченность на локальном уровне. Слабые связи («мосты») представляют собой единственную связь между двумя каким-либо участниками, имеют небольшую плотность, тем не менее они позволяют увеличить количество агентов, ресурсов, задействованных в сети, а также способствуют социальной сплоченности. В соответствии с этим агенты с большим числом взаимных связей образуют «ядро» – сеть с более высокой плотностью и силой связей, а агенты с малым числом взаимных связей могут присутствовать в сети в статусе «пассивного члена», «резервиста», которых «имеют в виду на крайний случай» и т.п. [4]. «Ядро» коллективной сети поддержки выступает не только организующей силой (координатором), но очень часто и радикальным донором: «...Ну только вот мы начали года два, материальной такой у нас нет поддержки, спонсоров нет. Все, что мы делаем, мы делаем своими руками, своими силами...»

Реципроктные трансферты в коллективных сетях поддержки многодетных носят достаточно разнообразный характер. В научной литературе можно

встретить различные классификации видов ресурсов, которые являются предметом реципрокных сетевых обменов: начиная от деления на материальные и нематериальные, заканчивая более сложными классификациями, представленными в работах ряда зарубежных и отечественных авторов. Так, например, Г.В. Градосельская в качестве ресурсов реципрокных трансфертов выделяет деньги, продукты, информацию и связи, труд и услуги [18]. С.Ю. Барсукова описывает только трансферты, имеющие безусловную и однозначно понимаемую количественную оценку – продуктовые, денежные, долговые и трудовые трансферты [19]. В ряде других исследований реципрокные ресурсы описываются более подробно, например, выделяются: психологическая поддержка, безвозмездная и долговая материальная помощь; помощь в ведении хозяйства (уборке, ремонте или строительстве, на садово-огородном участке), помощь транспортом; помощь продуктами; уход, присмотр за ребенком; помощь в трудоустройстве, оказание профессиональных консультаций и других услуг [8, 21].

Одним из наиболее часто представляемых коллективными сетями поддержки ресурсов выступают услуги, направленные на защиту прав многодетных семей. В ряде случаев сеть поддержки консультирует и представляет интересы реципиента во взаимодействиях с формальными институтами – органами власти и местного самоуправления, учреждениями социальной сферы и даже банками: «...И трудоустройство, и устройства в садики, и в школы, и пособия, и постановка на очередь на земельный участок, и жилье, ипотека. Очень много обращений, что помогите, мы ипотеку платили, теперь банк забирает квартиру...». Значительную роль в таких трансфертах играет наличие неформальных связей с представителями данных институтов, а также других структур гражданского общества – политическими партиями, СМИ и др.: «...начальник управления соцзащиты, молодец, со мной отрабатывает вопросы по этой части... У нас все отрабатывается, вопросов по опеке много. ЖКХ, если допустим есть задолженность по какой-то причине, чтобы рассрочку платежей...»; «...Сейчас обращаются как к общественной организации. Я могу посоветовать, куда именно обратиться в СМИ, потому что работать с местными это тоже не весело, но могу обратиться к кому-то из коллег, которые это дело куда-то вытащат...». При этом связи могут устанавливаться не только с местными агентами, но и достаточно удаленными как в географическом, так и социальном плане: «Решения уже идут по каждой семье, конкретика, конкретные задачи. Вплоть до того, что я с конкретными обращениями многодетных уезжаю в Администрацию Президента и там с советниками президента работаю по каждой заявке, по каждому обращению...».

Второй достаточно значимый ресурс реципрокных обменов в коллективных сетях поддержки многодетных – это информация: «...Очень много вопросов, если какое законодательство меняется, мы созваниваемся, приглашаем специалистов. Надо соц. выплаты – к нам приезжают и все объясняют, надо пенсионный – пожалуйста, надо службу занятости. У нас постоянно встречи с чиновниками, круглые столы, заседания, меня приглашают...».

Безусловно, важнейшими ресурсами реципрокных трансфертов выступают материальные – продукты, одежда, обувь, другие вещи: «...К нам они обращаются за материальной помощью. Вещи, продуктовые наборы, коляс-

ки...»; «...Ну основная наша помощь – это вот помощь материальная. В каком-то смысле даже не финансовая. Это вот одежда...» Материальные трансферты могут носить возвратный характер, предоставляться «в аренду»: «...У нас есть пункт проката. Мы навсегда не отдаем, это им не нужно. Ими попользовались и возвращают...»

Также материальные трансферты могут быть направлены не на конкретного реципиента, а сразу захватывать целый круг агентов, носить «акционный» характер: «...у нас была акция „Хочу учиться“. То есть мы собирали для детей в школах рюкзак, канцтовары, школьную форму...»

Результаты исследования показали, что все большее значение для многодетных семей в коллективных сетях поддержки приобретают нематериальные ресурсы, связанные с организацией общения, досуга и обучения: «Когда люди имеют возможность и душевно отдохнуть, когда они понимают, что они... не должны стоять 12 часов либо за гладкой бельем, либо на кухне у плиты, и так далее. Ну вот имеется возможность, с одной стороны, отдохнуть, а с другой стороны, себя самореализовать, потому что у мам и пап тоже есть разные таланты, и творческие, и спортивные, и разные. И дети счастливы и горды тем, что они присутствуют...» или «...Мы стараемся попасть в эту струю, чтобы наши многодетные детки допустим спокойно сходили. Потому что билеты, ну за пределами. Никакая многодетная мать себе не может позволить сводить, допустим, шесть детей на концерт, в цирк или еще куда-то. Потому что это очень дорого. А им хочется. Потому что город небольшой, не так много у нас интересных мест и развлечений таких вот...»

Коллективные сети поддержки все чаще начинают выполнять психологические функции: «...Но самое важное – это не только добрые хорошие посиделки у костра, создающие атмосферу дружбы, романтики, приятельских отношений, песен и так далее. Но и взаимобмен опытом, это и профилактика эмоционального выгорания самих родителей, которые 24 на 7 работают мамами и папами, и это в том числе обмен...»

В итоге можно сформулировать следующие выводы. В современных условиях все более востребованными становятся коллективные сети поддержки многодетных, где в основе лежат не кровно-родственные связи, а отношения с малознакомыми или даже незнакомыми агентами по определенным проблемам. Коллективные сети поддержки могут как носить неформализованный характер (в виде сообществ в социальных сетях, клубов и групп по интересам), так и приобретать формальное закрепление в общественных объединениях. Формализация сети поддержки обусловлена рядом факторов – это наличие целей, требующих взаимодействия с официальными агентами (органами власти, СМИ, коммерческими организациями), а также наличие лидера, который готов к осуществлению практически профессиональной деятельности по руководству данной сетью. Формализация позволяет расширить сеть агентов сети как в географическом, так и социальном пространстве, в том числе активно взаимодействовать с органами власти, привлечь дополнительные ресурсы и сделать реципрокные обмены более разнообразными и эффективными.

Литература

1. Социальная уязвимость в региональном сообществе: эксклюзия и современные механизмы ее преодоления / кол. авт. под рук. В.И. Ильина. Вологда : ВолНЦ РАН, 2018. 340 с.

2. Банных Г.А., Кузьмин А.И., Костина С.Н., Зайцева Е.В. Феномен многодетности в России: социологический анализ изменений // Вопросы управления. 2019. № 1 (37). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-mnogodetnosti-v-rossii-sotsiologicheskii-analiz-izmeneniy> (дата обращения: 31.01.2020).
3. Незоворова М.И. Развитие зарубежной социологической теории социальных сетей // Вестник Московского университета. Сер. 18. Социология и политология. 2011. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitiye-zarubezhnoy-sotsiologicheskoy-teorii-sotsialnyh-setey> (дата обращения: 28.01.2020).
4. Штейнберг И.Е. Парадигма четырех «к» в исследованиях социальных сетей поддержки // Социологические исследования. 2010. № 5. С. 40–50.
5. Лифинцев Д.В. Социальные сети и практика социальной работы // Идеи и идеалы. 2011. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-seti-i-praktika-sotsialnoy-raboty> (дата обращения: 14.01.2020).
6. Шевченко И.О. Социальные сети и практики взаимопомощи в семьях с маленькими детьми // Вестник РГГУ. Сер. Философия. Социология. Искусствоведение. 2013. № 2 (103). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-seti-i-praktiki-vzaimopomoshchi-v-semyah-s-malenki-mi-detmi-1> (дата обращения: 13.01.2020).
7. Рзаева С.В. Социальная сеть как категория социологического анализа: теоретическое представление и подходы к изучению // Известия АлтГУ. 2014. № 2 (82). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-set-kak-kategoriya-sotsiologicheskogo-analiza-teoreticheskoe-predstavlenie-i-podhody-k-izucheniyu> (дата обращения: 14.01.2020).
8. Белокрылова О.С., Филоненко Ю.В., Фурса Е.В. Неформальное сетевое взаимодействие в снижении рисков бедности и социальной уязвимости (на примере Ростовской области) // JER. 2013. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/neformalnoe-setevoe-vzaimodestvie-v-snizhenii-riskov-bednosti-i-sotsialnoy-uyazvimosti-na-primere-rostovskoy-oblasti> (дата обращения: 23.01.2020).
9. Штейнберг И.Е. Процесс институционализации сетей социальной поддержки в межсемейных и дружеских обменах // Экономическая социология. 2009. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/protsess-institutsionalizatsii-setey-sotsialnoy-podderzhki-v-mezhsemeynyh-i-druzheskih-obmenah> (дата обращения: 28.01.2020).
10. Барсукова С. Сетевая взаимопомощь российских домохозяйств: теория и практика экономики дара // Мир России. 2003. № 2. С. 81–90.
11. Реутов Е.В., Реутова М.Н. Реципрокность ожиданий: практики благотворительности // Научные ведомости БелГУ. Сер. Философия. Социология. Право. 2018. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/retsiproknost-ozhidaniy-praktiki-blagotvoritelnosti> (дата обращения: 28.01.2020).
12. Бондаренко Ю.В. Реципрокные сети малоимущих жителей Ставропольского края (по результатам интервьюирования) // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2018. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/retsiproknnye-seti-maloimuschih-zhiteley-stavropolskogo-kрая-po-rezultatam-intervyuirovaniya> (дата обращения: 14.01.2020).
13. Дасбаева С.Д. Социальные сети поддержки в адаптационных стратегиях населения Бурятии // Вестник БГУ. 2012. № 14. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-seti-podderzhki-v-adaptatsionnyh-strategiyah-naseleniya-buryatii> (дата обращения: 13.01.2020).
14. Сорокин Г.Г. Бабушки современной России // Женщина в российском обществе. 2014. № 1 (70). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/babushki-sovremennoy-rossii> (дата обращения: 29.01.2020).
15. Bannykh G.A., Kostina S.N. Representation of the Large Families Phenomenon in Social Networks // First International Volga Region Conference on Economics, Humanities and Sports (FICEHS 2019). URL: <https://www.atlantis-press.com/proceedings/ficehs-19/125932309> (accessed: 13.01.2020).
16. Степанова Е.А. Теория и методология сетевого подхода в исследованиях российских онлайн-сообществ // Южно-российский журнал социальных наук. 2018. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoriya-i-metodologiya-setevogo-podhoda-v-issledovaniyah-rossiyskikh-onlayn-soobschestv> (дата обращения: 29.01.2020).
17. Kostina S., Bannykh G. Social networks as a tool of public relations of nonprofit organizations working with large families in Russia // 34th IBIMA conference: 13–14 November 2019, Madrid, Spain.
18. Градосельская Г.В. Социальные сети: обмен частными трансфертами. URL: <http://www.nir.ru/sj/sj99-grado.html> (дата обращения: 13.01.2020).
19. Барсукова С.Ю. Нерыночные обмены между российскими домохозяйствами: теория и практика реципрокности. Препринт WP4/2004/02. М. : ГУ ВШЭ, 2004. 52 с.

20. Грановеттер М. Сила слабых связей // Экономическая социология. 2009. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sila-slabyh-svyazey> (дата обращения: 22.01.2020).

21. Реутова М.Н. Обмен ресурсами в сетях взаимопомощи: реализация принципа реципрокности // Дискурс. 2018. № 4 (18). С. 177–187.

Svetlana N. Kostina, Ural Federal University (Yekaterinburg, Russian Federation).

E-mail: kostinasn@mail.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2021. 62. pp. 74–86.

DOI: 10.17223/1998863X/62/7

COLLECTIVE SOCIAL NETWORKS OF LARGE FAMILY SUPPORT

Keywords: large families; social networks; collective support networks; public associations

The study is supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 19-011-00566.

Large families are one of the most vulnerable social groups in Russian society due to the deterioration of their socioeconomic situation with the birth of each subsequent child. This situation makes them need to seek help not only from formal social institutions (primarily state ones) for help, but also to engage a wide range of informal ties. Despite quite a lot of research in this area, a single definition of the concept of social networks and support networks has not been worked out. Collective social networks of large family support are based on interactions between agents not related by blood relations. “Live” support networks for large families can have varying degrees of formalization: these can be informal “interest clubs” or formalized (officially registered) public associations. The second version of multi-child family support networks is “virtual” networks, which can be specialized in nature – aimed exclusively at large families, or focus on some area, for example, parenthood. Formalization of the social support network allows it to attract more agents and resources. Collective social networks can be quite diverse in terms of their characteristics – size, geographic concentration, etc. The scale of such networks can vary significantly – from local to regional and federal. The key elements of support networks are social agents. Recipients in collective social networks of large family support are, first of all, large families that find themselves in difficult life circumstances. Donors may be commercial and non-profit organizations, authorities and institutions, as well as individual households (including large families themselves). In some cases, recipients become “exchanging” or donors over time. Reciprocal transfers in collective support networks for large families are quite diverse. The main resources of reciprocal exchanges are: services aimed at protecting the rights of large families; information; material resources (products, clothes, shoes, other things); intangible resources related to the organization of communication, leisure and training, psychological support.

References

1. Ilin, V.I. et al. (2018) *Sotsial'naya uyazvимость' v regional'nom soobshchestve: eksklyuziya i sovremennye mekhanizmy ee preodoleniya* [Social vulnerability in the regional community: exclusion and modern mechanisms for overcoming it]. Vologda: RAS.

2. Bannykh, G.A., Kuzmin, A.I., Kostina, S.N. & Zaitseva, E.V. (2019) The phenomenon of large families in Russia: a sociological analysis of changes. *Voprosy upravleniya – Management Issues*. 1(56). (In Russian). [Online] Available from: <https://journal-management.com/en/issue/2019/01/03> (Accessed: 31st January 2020).

3. Nezhgorova, M.I. (2011) Razvitie zarubezhnoy sotsiologicheskoy teorii sotsial'nykh setey [Development of foreign sociological theory of social networks]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sotsiologiya i politologiya – Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science*. 1. [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-zarubezhnoy-sotsiologicheskoy-teorii-sotsialnyh-setey> (Accessed: 28th January 2020).

4. Steinberg, I.E. (2010) Paradigma chetyrekh “k” v issledovaniyakh sotsial'nykh setey podderzhki [The paradigm of four “k” in research of social networks of support]. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 5. pp. 40–50.

5. Lifitsev, D.V. (2011) Social networks and social work practice. *Idei i idealy – Ideas and Ideals*. 3(1). [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-seti-i-praktika-sotsialnoy-raboty> (Accessed: 14th January 2020).

6. Shevchenko, I.O. (2013) Sotsial'nye seti i praktiki vzaimopomoshchi v sem'yakh s malen'kimi det'mi [Social networks and mutual assistance practices in families with small children]. *Vestnik RGGU. Seriya: Filosofiya. Sotsiologiya. Iskuststvovedenie*. 2(103). [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-seti-i-praktiki-vzaimopomoshchi-v-semyah-s-malenkimi-detmi-1> (Accessed: 13th January 2020).
7. Rzaeva, S.V. (2014) Sotsial'naya set' kak kategoriya sotsiologicheskogo analiza: teoreticheskoe predstavlenie i podkhody k izucheniyu [Social network as a category of sociological analysis: theoretical representation and approaches to the study]. *Izvestiya AltGU – Izvestiya of Altai State University*. 2(82). [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-set-kak-kategoriya-sotsiologicheskogo-analiza-teoreticheskoe-predstavlenie-i-podhody-k-izucheniyu> (Accessed: 14th January 2020).
8. Belokrylova, O.S., Filonenko, Yu.V. & Fursa, E.VI. (2013) Informal network interaction in reducing the risk of poverty and social vulnerability (on the example of Rostov region). *JER*. 4. (In Russian). [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/neformalnoe-setevoe-vzaimodeystvie-v-snizhenii-riskov-bednosti-i-sotsialnoy-uyazvimosti-na-primere-rostovskoy-oblasti> (Accessed: 23rd January 2020).
9. Shteinberg, I.E. (2009) Institutionalization of Support Networks in the Inter-Family and Friendly Exchanges. *Ekonomicheskaya sotsiologiya – Journal of Economic Sociology*. 2. pp. 62–75. [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/protsess-institutsionalizatsii-setey-sotsialnoy-podderzhki-v-mezhsemeynyh-i-druzheskih-obmenah> (Accessed: 28th January 2020).
10. Barsukova, S. (2003) Setevaya vzaimopomoshch' rossiyskikh domkhozyaystv: teoriya i praktika ekonomiki dara [Network mutual assistance of Russian households: theory and practice of the economy of the gift]. *Mir Rossii – Universe of Russia*. 2. pp. 81–90.
11. Reutov, E.V. & Reutova, M.N. (2018) Reciprocity of expectations: charity practices. *Nauchnye vedomosti BelGU. Seriya: Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo – Belgorod State University Scientific Bulletin. Philosophy. Sociology. Law*. 2. (In Russian). [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/retsiproknost-ozhidaniy-praktiki-blagotvoritelnosti> (Accessed: 28th January 2020).
12. Bondarenko, Yu.V. (2018) Reciprocal networks of the low-income population of the Stavropol territory (according to the interviewing results). *Vestnik Maykopskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta*. 3. (In Russian). [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/retsiproknye-seti-maloimushchih-zhiteley-stavropolskogo-kraya-po-rezultatam-intervyuirovaniya> (Accessed: 14th January 2020).
13. Dagbaeva, S.D. (2012) Social networks in the adaptation strategies of the Buryat population. *Vestnik BGU – The BSU Bulletin*. 14. (In Russian). [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-seti-podderzhki-v-adaptatsionnyh-strategiyah-naseleniya-buryatii> (Accessed: 13th January 2020).
14. Sorokin, G.G. (2014) Grandmothers of modern Russia. *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve – Woman in Russian Society*. 1(70). pp. 78–81. (In Russian).
15. Bannykh, G.A. & Kostina, S.N. (2019) Representation of the Large Families Phenomenon in Social Networks. *First International Volga Region Conference on Economics, Humanities and Sports (FICEHS 2019)*. [Online] Available from: <https://www.atlantispress.com/proceedings/ficehs-19/125932309> (Accessed: 13th January 2020).
16. Stepanova, E.A. (2018) The theory and methodology of the network approach in researches of Russian onlinecommunities. *Yuzhno-rossiyskiy zhurnal sotsial'nykh nauk – South-Russian Journal of Social Sciences*. 2. pp. 50–66. (In Russian).
17. Kostina, S. & Bannykh, G. (2019) Social networks as a tool of public relations of nonprofit organizations working with large families in Russia. *34th IBIMA Conference*. November 13–14, 2019. Madrid, Spain.
18. Gradoselskaya, G.V. (n.d.) *Sotsial'nye seti: obmen chastnymi transfertami* [Social networks: the exchange of private transfers]. [Online] Available from: <http://www.nir.ru/sj/sj/sj99-grado.html> (Accessed: 13th January 2020).
19. Barsukova, S.Yu. (2004) *Nerynochnye obmeny mezhdru rossiyskimi domkhozyaystvami: teoriya i praktika retsiproknosti* [Non-market exchanges between Russian households: theory and practice of reciprocity]. Preprint WP4/2004/02. Moscow: HSE.
20. Granovetter, M. (2009) The Strength of Weak Ties. Translated from English by Z.V. Kotelnikova. *Ekonomicheskaya sotsiologiya – Journal of Economic Sociology*. 4. [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/sila-slabyh-svyazey> (Accessed: 22nd January 2020).
21. Reutova, M.N. (2018) Obmen resursami v setyakh vzaimopomoshchi: realizatsiya printsipa retsiproknosti [Resource exchange in networks of mutual assistance: implementation of the reciprocity principle]. *Diskurs*. 4(18). pp. 177–187.